

A woman's face is visible through a blue-tinted glass pane, with water droplets running down it. The image has a moody, artistic feel.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ ФРУНЗЕ

Литрес

Дмитрий Андреевич Фурманов

Фрунзе

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5735777

Аннотация

«...У Фрунзе в кабинете совещанье, Фрунзе в штабе диктует приказы, Фрунзе в бессонные ночи никнет над прямыми проводами, Фрунзе тонкой палочкой водит по огромным полотнищам раскинутых карт, бродит в цветниках узорных флажков, остроглазых булабочек, плавает по тонким нитям рек, перекидывается по горному горошку, идет шоссейными путями, тонкой палочкой скачет по селам-деревням, задержится на мгновенье над черным пятном большого города и снова стучит-стучит-стучит по широкому простору красочной, причудливой, многоцветной карты...»

Содержание

Первая встреча	4
Весть об его смерти	6
Как собирался отряд	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Андреевич Фурманов Фрунзе

Первая встреча

Помню я – Иваново-Вознесенск, 1917 год, жуткий голод, неисходную безработицу, армию раздетых, голодных ткачей. А наряду с тем – кипучая работа в фабзавкомах, закреп Советской власти, строительство новой, красноткацкой Иваново-Вознесенской губернии: из кусочков Владимирской, Ярославской и Костромской надо было сшить свою, текстильную. Фрунзе в те дни работал председателем Шуйского Совета. И его вызвали в Иваново – на это новое, большое дело. В конце года были съезды – на этих съездах и решали вопросы организации губернии, в работах съездов первая роль принадлежала Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Я первый раз увидел его на заседании и запечатлел в памяти своей добрые серые глаза, чистое бледное лицо, большие темно-русые волосы, откиннутые назад густой волнистой шевелюрой. Движенья Фрунзе были удивительно легки, просты, естественны – у него и жестикуляция, и взгляд, и положение тела как-то органически соответствовали тому, что он

говорил в эту минуту: говорит спокойно – и движения ровны, плавны и взгляд покоем, все существо успокаивает слушателей; в раж войдет, разволнуется – и вспыхнут огнями серые глаза, выскочит по лбу поперечная строгая морщинка, сжимаются нервно тугие короткие пальцы, весь корпус быстро перемещается на стуле, голос напрягается в страстных высоких нотах, и видно, как держит себя Фрунзе на узде, как не дает сорваться норову, как обуздывает кипучий порыв. Прошли минуты, спало волнение – и вошли в берега передрожавшие страсти: снова кротки и ласковы серые глаза, снова ровны, покойны движения, только редко-редко вздрогнет в голосе струнка недавнего бурного прилива. Я запечатлел образ Фрунзе с того памятного первого заседания в семнадцатом году, и сколько потом ни встречался с ним в работе, на фронтах ли – я видел всегда его таким, как тогда, в первый раз: простым, органически цельным человеком.

От общения с ним, видимо, у каждого оставался аромат какой-то особой участливости, внимания к тебе, заботы о тебе – о небольших даже делах твоих, о повседневных нуждах.

Недаром и теперь, когда встал он на высочайшем посту народного комиссара, – и теперь ходили к нему на прием все запросто и блузники-ткачи и крестьяне-лапотники, шли к своему старинному подпольному другу, к Мише, которого еще по давним-давним дням знали и помнили как ласкового, доброго сероглазого юношу.

Весть об его смерти

В начале этого года погиб драматической смертью старый большевик, иваново-вознесенский ткач, Семен Балашов, «Странник», как звали его в подполье. И мы тогда, иванововознесенцы, живущие в Москве, собирались, обсуждали, как отозваться на эту смерть, как хоронить. Прошло почти полгода – и снова собираемся за тем же столом, те же, что тогда, но обсуждаем иной вопрос: как отозваться на смерть дорогого земляка, Михаила Васильевича *Фрунзе*. Тот раз и сам Фрунзе ходил к балашовскому гробу, теперь надо его хоронить.

У каждого так много-много есть что вспомнить и что сказать, но больше молчим, не вяжутся речи, обрывками слов толкуем про делегацию из Иваново-Вознесенска в пятьсот человек, про комиссию по увековечению памяти, про сборник, что-то еще...

Вот сидит – поникшая, печальная – старая когорта подпольщиков. Они помнят мальчика Мишу, совсем безусого юнца, когда держал он пламенные речи на людных рабочих митингах, знают его по каторжным централам, где юный большевик «Арсений» воодушевлял, заражал товарищей своей бодростью, свежестью, непоборимой верой в победу, – победу великого дела борьбы.

Они его помнят по тюрьмам, по ссылке, знают, как он спо-

койно, мужественно ожидал виселицу... Летучие мысли, памятки, воспоминанья...

Потом пошли в Колонный зал.

Там траурной сетью обвиты стены, там в тысячах огней горит зал, но невесело его сиянье, тускл этот похоронный свет пустых огромных комнат. Склонились знамена, в черных лентах замер портрет красного полководца. Тихи разговоры, задушены горечью, болью стиснуты речи – так тихо бывает только в комнате труднобольного, когда близка смерть.

Уж полночь – скоро из больницы привезут гроб. Мы выстроились в ряды, ждем, – скоро принесут. И вот – заплакал оркестр похоронным маршем, вздрогнули наши ряды, головы обернулись туда, где колыхалась красная гробница. Внесли, поставили, первый караул встал на посту – члены Политбюро ЦК. За ними новый караул, и новый, и новый – бесменные караулы у гроба полководца...

Вот Надежда Константиновна – скоро два года как первый раз стояла она здесь у изголовья другого гроба. Как сложны должны быть чувства, как мучительно должно быть теперь ее состояние, – не прочтешь ничего в глубоких морщинах лица: так оно много вобрало в себя страдания, что остыло в сосредоточенном недвижном выражении – лучатся только горем выцветшие очи верного друга великого человека.

Мы дежури́м в третьем часу.

Стою, смотрю в это мертвое лицо, на черную ленту волос,

на просек ресниц, на глаза, закрытые смертью навек, на сомкнутые крепко губы – и вспоминаю всю свою жизнь, встречи с этим бесконечно дорогим человеком, сыгравшим в жизни моей большую роль. Но об этом не теперь, будет время – вспомним.

Проходят вереницы в почетные караулы – до утра не редет толпа. А с утра приливают новые волны, отряд за отрядом, – идет Москва к праху славного воина.

Как собирался отряд

Иваново-Вознесенск. Конец 1918 года. Заседает бюро губкома – обсуждают вопрос о необходимости создать спешно рабочий отряд, пустить его на колчаковский фронт. Говорит Фрунзе:

– Положение совершенно исключительное. Так трудно на фронте еще не было никогда. Надо в спешнейшем порядке сделать армии впрыскивание живой рабочей силы, надо поднять дух, укрепить ее рабочими отрядами, мобилизовать партийных ребят – ЦК проводит партийную мобилизацию...

А нам, иванововознесенцам, колчаковский фронт важен вдвойне – там пробьем дорогу в Туркестан, к хлопку, пустим снова наши стынувшие в безработице корпуса...

Я помню – все мы, верно до последнего человека, заявили о готовности своей идти на фронт. Но нельзя же отпустить целый губком – стали делать отбор.

И какое было жадное соревнованье: наперебой каждый рвался, чтоб отпустили именно его, высказывал доводы, соображенья... В личной беседе, еще раньше, Фрунзе говорил мне, что берет с собой; он уже назначался командовать IV армией. И каков же был удар, когда я узнал, что вместо меня едет Валерьян Наумов. Я устроил сцену и Валерьяну и Фрунзе.

– Ну, как-нибудь там устройте... может, и отпустят... –

посоветовал Михаил Васильевич.

Переборол. Согласились. Уже много позже дали бумагу в том, что являюсь: «...уполномоченным Иваново-Вознесенского Губернского Комитета Российской Коммунистической Партии по препровождению Отряда Особого Назначения при IV армии в район действий этой армии.

За председателя А. Баронский

Секретарь Калашников».

На этом же заседании постановили и про отряд. У меня сохранился самый документ. Вот он:

«Выписка из журнала заседания

*Бюро Губернского Иваново-Вознесенского Комитета
Российской*

Коммунистической Партии от 26 декабря 1918 года.

1. Ввиду особой важности для нашего промышленного текстильного района скорейшего завоевания *Оренбург*-Ташкентского направления;

2. Ввиду необходимости поднять настроение стоящих там красноармейских частей и

3. Принимая во внимание отъезд на этот участок фронта председателя Губернского Комитета партии товарища Фрунзе – постановляется:

Организовать Отряд Особого Назначения из рабочих Иваново-Вознесенского текстильного района и отослать его в район действий IV армии.

За председателя А. Воронский

Секретарь *Калашников*

? 89.

25 января 1919 года.

Иваново-Вознесенск».

Мы горячо взялись за отряд – рабочие шли охотно, в короткий срок набралось как надо. Приодели из последнего, добыли с трудом оружие – кажется, сносились с Москвой, свезли оттуда.

Наташили литературу, в Гарелинских казармах, где стояла часть отряда, вечерами занимались культработой, готовились к фронтовой борьбе, – понимали, что придется действовать не только штыком, но и дельным, нужным словом. Особенно помнится мне в эти дни близкий друг Фрунзе – Павел Степанович Батурин. Он в те дни заведовал губернским отделом народного хозяйства. Но при организации отряда он все время возился с оружием, отовсюду собирал его, раздавал отряду.

Позже, в конце 1919 года, прислал его Фрунзе вместо меня, отозванного на другую работу, – комиссаром Чапаевской дивизии. Но недолго проработал он на этом посту – казацкий налет изрубил штаб, изрубил политический отдел, погиб тогда в жестокой сече и славный комиссар Павел Батурин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.